

Говорила бабушка, старость праздная:
«Я еще тудыличи в могу́те была!»*
Трудовые, праздные, будни разные,
Чередой праздников кабала.

И недавно вроде бы было детство,
Близко-близко лужи, земля, трава.
Быстро-быстро бьется комочек сердца
Жизнь уже случилась,
сбылась,
была...

Моя опустошенная планета,
Ты где-то, где-то в сонной пелене.
Забывтое застиранное гетто,
Не вспоминай, не думай обо мне.

Пусть прошлое и пошло, и печально.
Состарят тело годы-палачи.
Я возвращаюсь к сущности начальной –
К себе самой, потерянной в ночи.

Мой ясный курс проложен по вселенным,
Расписана надгробная плита,
И светом ослепительным нетленным
До горизонта пúстынь залита́.

Горячий ветер окатил волною,
Ковыльные метелки тебея.
Какое облегченье неземное –
Я не люблю. Я не люблю тебя!

Утихли подростковые напасти,
Как на воде растаял пенный след.
Былые страсти – шрамы на запястье.
Я только свет. Я чистый белый свет!

* Я еще тудыличи в могу́те была! (устар.) – когда я была молодой, в силе.

СТЕПЬ

Стонет старый крест дорожный.
Стелет поле суховой
И колышет осторожно
Волосинки ковылей.

Ширь да гладь, куда ни глянешь,
Лишь стрекочет саранча.
Выгорел и выцвел глянец
Неба на моих плечах.

Степь течет и, разливаясь,
Жарким маревом дыша, –
Вызревает. Вызревает
Бесконечная душа...

УЛОЧКИ ДЕТСТВА

Теплый ветер вдоль Зеленой Рощи,
От Меланжевой до Обводной*
Простыни крахмальные полощет
И вздымает к небу по одной.

По дорожкам, утонувшим в травах,
Стелет ароматные дымы.
Воробьев веселые оравы
Разгоняют утренние сны.

На ветвях беременные почки
Скоро к небу вскинут паруса.
Помню здесь все рытвины, все кочки,
Узнаю собак по голосам.

По ночам тут слышен стук колесный,
Поездов тревожные гудки –
К нам спешат страстей грядущих весны,
Жизнь со смертью наперегонки...

* Зеленоя Роша, Меланжевая, Обводная – улицы одного из старых кварталов Барнаула.